

Наступила ночь. Ваньянь Кан стоял в одиночестве перед своим шатром, устремив задумчивый взгляд в бескрайнее звездное небо. Казалось, он видел не просто холодный блеск светил, а нечто иное — что-то до боли знакомое, ускользающее за саму грань памяти. Он и сам не знал, что именно ищет там, в вышине. Слегка покачав головой, юноша едва заметно улыбнулся: стоило ли ворошить прошлое? Он знал одно: сейчас он счастлив, и этого было достаточно.

Повернувшись в сторону монгольского лагеря, он предвкушающе усмехнулся. Это была их последняя ночь в степи, и она вряд ли обещала быть спокойной.

Предчувствие его не обмануло. Вскоре со стороны монгольских юрт отделились тени. Они приближались стремительно и почти бесшумно — обычный человек ни за что не уловил бы шороха их шагов. Мастерское владение техникой легкости выдавало в них опытных воинов.

Ваньянь Кан невольно улыбнулся: Цю Чуцзи и Пятеро монстров Цзяннани? Все-таки решились. С какой целью они явились на этот раз? Чтобы убить его, считая виновным в гибели своих товарищей, или ради чего-то иного? Как бы то ни было, это их последний шанс. Завтра отряд двинется в Чжунду, а вольным героям, связанным клятвой обучать Го Цзина в этих краях двенадцать лет, путь туда заказан. Даже не оправившись от ран, они не могли упустить эту ночь.

Гости замерли в нескольких шагах от Ваньянь Кана. Пятеро монстров хранили угрюмое молчание, и лишь Цю Чуцзи, нахмурившись, смотрел на юношу с ледяной пронзительностью.

— Знаешь ли ты, что означает «Кан» в твоём имени? — спросил он без лишних предисловий.

Ваньянь Кан ответил ему едва уловимой улыбкой.

— Кан? Разумеется. Это значит «благоденствие» и «процветание». Имя даровано мне в знак того, что наше государство, Великая Цзинь, пребывает в мире, а народ ее не знает нужды.

Ответ был безупречен, но даоса он лишь привел в ярость.

— Я не об этом! — рявкнул он.

— В «Ли цзи» сказано: «Народ пребывает в здравии и радости», — спокойно продолжал Ваньянь Кан, проигнорировав гнев собеседника. — В хрониках «Ханьшу» упоминается «Канпин» — согласие меж верхами и низами, мир во всей Поднебесной. Как видите, «Кан» — это порядок и покой. А в «Шишо синьют» это слово означает изобилие и богатство.

Юноша взглянул на Цю Чуцзи, который уже не мог скрыть негодования.

— Истинный смысл этого знака известен мудрецам древности. Неужели вам, почтенный даос, он неведом?

— Я говорю не о значении слова, а о смысле твоего имени!

Ваньянь Кан увереннее улыбнулся, во взгляде промелькнула сталь. Он смотрел прямо в глаза Цю Чуцзи.

— Смысл моего имени может быть только таким: вечное процветание Великой Цзинь. И никаким иным.

Он никогда не признает в своем имени горькое напоминание о «позоре годов Цзинкан».

— Ты и впрямь считаешь себя цзиньцем? — процедил Цю Чуцзи.

— Разумеется.

Ваньянь Кан ответил без тени сомнения. Его аура в этот миг стала настолько властной и подавляющей, что даже наблюдавшие со стороны пятеро монстров Цзяннани почувствовали невольный трепет.

— В этом нет и не может быть ошибки.

Он — Ваньянь Кан. И никого иного он в себе не признает.

— Ты... да ты... — Цю Чуцзи затрясло от негодования. — Ты китаец! Самый настоящий ханьцу!

Ваньянь Кан лишь снисходительно усмехнулся.

— Даос, вы, верно, шутите. Разве вы не знаете, что фамилию Ваньянь носят лишь члены императорского рода или те, кому она дарована высочайшей милостью? Как же я могу быть кем-то другим?

— Твоя фамилия — не Ваньянь! Ты — Ян! Ты потомок Ян Цзайсина, героя, что до последнего вздоха сражался против захватчиков-чжурчжэней!

— Вижу, вы не шутите, — покачал головой юноша. — Вы пытаетесь посеять раздор в моей душе своей нелепой ложью. Неужели вы думаете, что я столь глуп, чтобы поддаться на столь явную провокацию?

Больше не удостоив Цю Чуцзи ни единого взгляда, он развернулся и неспешным шагом направился прочь от шатра.

— Почтенный Цю, он действительно сын героя Яна? — тихо спросил Цюань Цзиньфа, когда

Ваньянь Кан скрылся из виду. — Вы не могли ошибиться?

Даос тяжело дышал, сжимая кулаки так, что хрустели кости.

— Ошибки быть не может.

— Но тогда получается, что он искренне верит, будто вы пытаетесь его обмануть. Иначе... — Цюань Цзиньфа нахмурился, провожая взглядом удаляющегося наследника, — иначе ни один человек на свете не смог бы сохранять такое ледяное спокойствие, слыша подобное о своем происхождении.

<http://bllate.org/book/17543/1704443>